

Въ городскомъ театрѣ.

„Дядя Ваня“, Антона Чехова.

Постановка, 18 января въ бенефисъ артиста г. Акимова, пьесы Антона Чехова „Дядя Ваня“— крупное явленіе въ нынѣшнемъ театральномъ сезонѣ. Ни одна изъ шедшихъ до этого новыхъ пьесъ не можетъ идти въ сравненіе со сценами г. Чехова—такъ названа имъ пьеса „Дядя Ваня“. Даже въ отношеніи скомпановки и сценичности „Дядя Ваня“ можетъ поспорить съ любой изъ пьесъ, написанныхъ людьми, искусившимися въ дѣлѣ созданія драматическихъ произведеній.

Какъ о каждомъ произведеніи, о пьесѣ „Дядя Ваня“ были высказаны разные мнѣнія. Крупное имя автора, какъ художника беллетриста, спасло его пьесу отъ рѣзкой критики развязныхъ и самоуверенныхъ цѣнителей искусства.

Какъ хотите, а все-таки неловко, совѣстно какъ то сказать, что пьеса „Дядя Ваня“ плоха, что не понятна и не ясна основная ея мысль, что, наконецъ, это и не пьеса, а только литературное произведеніе въ драматической формѣ.

По отношенію другихъ писателей сужденія въ родѣ этихъ высказываются съ спокойной совѣстью—боиться нечего, а тутъ все таки Чеховъ.

Впрочемъ объ Антонѣ Чеховѣ существуютъ, какъ о писателѣ, весьма различныя мнѣнія. Одни видятъ въ немъ большого художника, тонкаго и вдумчиваго наблюдателя, глубокаго психолога.

Другіе, признавая въ г. Чеховѣ художественный талантъ, находятъ, что это писатель, литературную фязіономію котораго трудно опредѣлить, что въ его произведеніяхъ нѣтъ общей, связующей идеи, указывающей на его направленіе, на его отношенія къ жизни.

Наконецъ, говорятъ, Чеховъ, несомнѣнно, крупный художникъ, но пессимистъ. Это вѣрно, но это не недостатокъ, а лишь свойство таланта, также, какъ бываютъ, философы пессимисты и оптимисты. Художникъ пессимистъ, безъ идеаловъ, не согрѣтый свѣтлыми лучами правды и красоты, а прикованный къ мрачнымъ картинамъ сѣренькой, будничной жизни—не въ состояніи, говорятъ, создать крупное произведеніе, которое бы жгло сердца людей, будило бы въ нихъ здоровыя мысли и чувства. Пусть будетъ даже и такъ, но вѣдь писателя не передѣлаешь и указывать ему, какъ лучше, или какъ бы слѣдовало писать, —по меньшей мѣрѣ, нельзя.

Г. Чехова интересуютъ, дѣйствительно, не свѣтлыя и радостныя явленія жизни, не самодовольные и благополучные люди, поглощенные мелкими интересами, а люди, недовольные жизнью, страдающіе сами и заставляющіе страдать окружающихъ. Къ такимъ недовольнымъ, мрачно смотрящимъ на жизнь людямъ долженъ быть отнесенъ вполне опредѣлившійся типъ современнаго русскаго интеллигента-нытика, нуднаго человѣка, какъ его мѣтко называетъ г. Чеховъ. Эти хандрящіе, вѣчно ноющіе интеллигенты, не нашедшіе примѣненія своимъ духовнымъ силамъ, своимъ знаніямъ, страдающіе маніей самоанализа и самоковырѣнія—любимые герои произведеній Ан. Чехова.

Г. Чеховъ даетъ живые, вѣрные образцы этихъ людей, и не его уже, какъ художника дѣло объяснять, откуда есть, пошли эти нытики, неврастеники и какія причины породили ихъ появленіе. Пытливый и мыслящій читатель, а на помощь ему критикъ должны сами доискаться причины этого явленія, поставить его въ связь со всего совокупностью условій частной и общественной жизни, а затѣмъ сдѣлать выводы, что это единичное, случайное

явленіе, проявленіе своего рода болѣзненности, или-же это несчастные дѣти, страдающіе за пороки и грѣхи своихъ отцевъ, плоть отъ плоти и кость отъ кости ихъ.

Быть можетъ, какъ разъ наоборотъ, въ этихъ нытикахъ и хандрящихъ людяхъ, придется признать не лишннихъ, а нужныхъ людей, такъ-какъ они своимъ безпощаднымъ самоанализомъ и своей критикой окружающаго обнаруживаютъ скрытыя болѣзани общественаго организма. Чеховскій дядя Ваня справедливо говоритъ, что не видитъ никакого преимущества передъ собой, человѣкомъ ноющимъ и хандрящимъ, въ людяхъ довольныхъ жизнью и каратающихъ время за картами. Искать причины того пессимизма, той скуки, съ которыхъ томятся современные интеллигенты завело бы насъ въ обширную область цѣлаго социологическаго изслѣдованія.

Нельзя только сказать одного, какъ это говорятъ обыкновенно, что русскій интеллигентъ мечется изъ стороны въ сторону и хандритъ отъ того, что нѣтъ настоящаго дѣла, для котораго можно было бы, что называется, положить душу. Дѣла не початый уголь. Не дѣлаемъ мы потому, что насъ дома, въ семьѣ, а затѣмъ въ школѣ воспитывали, и учили не для настоящей жизни, а такъ лишь пичкали разными, ненужными пустяками, внушая намъ дешевую, прописную мораль.

Скучающіе и томившіеся собою и другъ другомъ люди выведены съ поразительной вѣрностью и въ пьесѣ „Дядя Ваня“. Такимъ ноющимъ и разводящимъ хандру является прежде всего Иванъ Петровичъ Воиницкій, дядя Ваня, какъ зоветъ, его племянника, уже выросшая дѣвушка Софья Александровна Серебрякова. Онъ интеллигентъ, уже не молодъ ему 47 лѣтъ. Слишкомъ 20 лѣтъ, лучшую пору своей жизни, онъ прожилъ безвыѣздно въ деревнѣ, ведя хозяйство въ обширномъ имѣніи своей умершей сестры, бывшей замужемъ за отцемъ Софьи профессоромъ Серебряковымъ, вышедшимъ по болѣзни въ отставку. Дядя Ваня жилъ и работалъ въ деревнѣ не по призванію, не потому, что находилъ полное удовлетвореніе въ такой жизни, нѣтъ онъ работалъ для того, чтобы давать возможность жить обезпеченно своему зятю, профессору Серебрякову, котораго и онъ самъ и его мать Марья Васильевна считали большимъ человѣкомъ, едва не молились на него, зачитывались его брошюрами. Недовольность этой однообразной, лишенной умственнаго интереса жизнью накоплялась въ дядѣ Ванѣ годами, и онъ мало по малу сталъ прозревать, что напрасно похоронилъ себя, незавѣстно для кого и для чего.

Дядя Ваня прозрѣлъ, но уже поздно,—начинать жить въ 50 лѣтъ, жить осмысленно, полную жизнью онъ уже не могъ, если-бы даже захотѣлъ. Это драма, страшная драма—сознавать, что не жить, когда-бы могъ жить, когда были силы, знанія, которыя можно было приложить съ пользою для себя и для другихъ. Орелъ, которымъ дядя Ваня окружалъ профессора, наль и профессоръ показался теперь ему въ настоящемъ свѣтѣ—ничтожнымъ, жалкимъ агонистомъ, бездарнымъ ученымъ, написавшимъ никому ненужныя книги и брошюры. И вотъ этотъ-то человѣкъ, больной, еле передвигающій ноги, подагрикъ прѣзжааетъ въ деревню съ своей второй женой, молодой, полной жизнью и красивой женщиной. Въ дядѣ Ванѣ проснулось чувство къ женщинѣ и тѣмъ ужаснѣе стало для него его прошлое и настоящее. Хандра, недовольство собой и другими, ненависть къ тому человѣку, изъ за котораго онъ похоронилъ себя въ деревнѣ, приняли въ дядѣ Ванѣ прямо болѣзненную форму.

Елена Андреевна—такъ звали вторую жену профессора—вышла за него замужъ, какъ она сама объясняетъ Софьѣ, не по любви, конечно, а потому, что, будучи молода, увлеклась

имъ, какъ ученымъ, увлеклась его именемъ, извѣстностью.

Она также не удовлетворена жизнью, тоже скучаетъ и томится, ея молодая, здоровая натура ищетъ настоящей жизни, ея сердце хочетъ любви. Попавъ въ деревню, гдѣ ее встрѣтило общее недовольство, гдѣ она увидала не живыхъ, а мертвыхъ, изнывающихъ людей, въ родѣ дяди Вани, она окончательно пала духомъ и отдалась во власть безысходной скуки, тяжелаго, щемлящаго сердце томленія. „Какая скука, како скучно“—подобныя слова не сходятъ съ ея языка. Она поняла, что загубила свою жизнь, свою молодость, что жестоко обманулась, выйдя замужъ за стараго, больного человека. Ей хотѣлось жить и она увлеклась прѣхавшимъ въ имѣніе къ ея мужу врачомъ Мих. Львов. Астровымъ. Это болѣе живой человекъ, правда, немного оригинальнѣе, но дѣятельный, интересующійся не одной своей специальностью. Онъ занятъ, и притомъ серьезно, вопросомъ о разведеніи Львовъ, объ искъ, сственномъ лѣсоразведеніи. Онъ борется противъ общей апатіи, противъ похвальной скуки, овладѣвшей провинціальными обывателями, борется, но чувствуетъ, что ти-

4.

ла заолустной жизни засасываетъ и его и, утрачивая подъ собою почву, начинаетъ, усиленно пить.

Астровъ, въ свою очередь, тоже увлекся Еленой и, видимо, болѣе серьезно и глубоко, чѣмъ она имъ. Но Астрова любила еще одна женщина—Софья, любила первой дѣвической любовью и страдала, потому что видѣла и чувствовала, что ее не любятъ, что она не нравится, и не можетъ нравиться, будучи во всемъ некрасивой. Софья не выдержала и рѣшила узнать, какъ смотритъ на нее Астровъ. Устроить это взялась Елена. Елена узнала, что Астровъ относится къ Софьѣ, какъ къ другу, какъ къ ближнему, хорошему человеку, но Елена узнала болѣе важное—Астровъ признался ей въ любви и убѣждалъ ее остаться въ деревнѣ и бросить мужа, доказывая, что рано, или поздно она это сдѣлаетъ не съ нимъ, такъ съ другимъ. Елена была близка къ тому, чтобы бросить стараго, больного, ненавистнаго ей человека, но остановилась,—чувство долга, порядочность удержали ее, она огорчилась тѣмъ, что погубовала Астрова, чтобы болѣе не видѣться и уѣхать изъ деревни. Елена, быть можетъ, и не выдержала бы до конца и чувство взяло бы верхъ надъ разсудкомъ, если бы не случилось событіе, ускорившее ея отъѣздъ съ мужемъ: случилось нѣчто ужасное и неожиданное. Дядя Ваня сдѣлать покушеніе на жизнь профессора, хотѣлъ застрѣлить его, но промахнулся.

Поводомъ такого дикаго, безумнаго поступка послужило слѣдующее. Профессоръ, собравъ семейный совѣтъ, объявилъ, что рѣшилъ продать имѣніе своей первой жены. Для дяди Вани это былъ страшный ударъ, съ продажей имѣнія, которымъ онъ управлялъ и кормился, на приведеніе въ порядокъ котораго онъ потратилъ слишкомъ 20 л.—онъ становился нищимъ. Въ рѣзкихъ, оскорбительныхъ выраженіяхъ дядя Ваня высказалъ профессору много горькихъ истинъ и, прежде всего, унижалъ его, какъ ученаго. Софья тоже была на сторонѣ дяди Вани—имѣніе досталось ей отъ матери, и процвѣтало, благодаря лишь трудамъ дяди Вани. Раздраженіе противъ ненавистнаго человека, виновника изломанной, искалѣченной жизни совершенно отуманило дядю Ваню и въ состояніи аффекта онъ поднялъ руку на больного, умирающаго старика. Развязка этой драмы проста и тяжела въ тоже время. Состоялось общее примиреніе, профессоръ съ женой уѣхалъ, докторъ Астровъ тоже и остался

въ имѣніи по прежнему скучать и хандрить дядя Ваня, его старушка мать и Софья.

Невыносимо горестное впечатлѣніе производитъ эта заключительная сцена. „Уѣхали“, этимъ сказано все и какое это ужасное слово.

Софья старается убѣдить дядю Ваню, что нужно трудиться, что нужно-же жить. Убѣдилась ли въ справедливости этого дядя Ваня, неизвѣстно, онъ отвѣчалъ горькими, тихими слезами. Это послѣдній рыдающій аккордъ житейской, правдивой драмы.

Вотъ въ общихъ чертахъ содержаніе пьесы г. Чехова.

На обычный вопросъ, что-же хотѣлъ сказать авторъ въ своемъ произведеніи, отвѣтимъ,—хотѣлъ дать картину подмѣченныхъ имъ явленій жизни, воспроизведя ихъ въ живыхъ, художественныхъ образахъ. Дѣло уже читателя, зрителя, наконецъ, дѣло критика анализировать эти явленія, объяснить ихъ смыслъ и значеніе. Наше личное мнѣніе, что въ пьесѣ „Дядя Ваня“ выведены живые люди, поставленные въ самыя обыкновенныя, жизненные отношенія другъ къ другу.

Сценична-ли пьеса „Дядя Ваня“? Сценична, если исполнители поймутъ характеръ и психологію дѣйствующихъ лицъ и сумѣютъ изобразить ихъ въ живыхъ, художественныхъ образахъ. Ошибочно думать, что эта пьеса должна быть непременно скучна, и несценична, потому что въ ней выведены скучные, хмурые люди, только говорящіе и ноющіе и ничего не дѣлающіе. Яркимъ, сильнымъ, а главное вѣрнымъ изображеніемъ скучающаго и ноющаго человека можно также всецѣло завладѣть вниманіемъ зрителя и покорить его себѣ. Вѣрно, что пьеса производитъ тягостное, грустное впечатлѣніе, но разъ она произвела такое впечатлѣніе, притомъ впечатлѣніе сильное, значить она пригодна для сцены.

На нашей сценѣ сильнаго впечатлѣнія „Дядя Ваня“ не произвела. Пьесѣ грозитъ полный неуспѣхъ, если-бы г. Акимовъ (дядя Ваня) и г-жа Абарова (Елена) не вынесли ее, что называется, на своихъ плечахъ.

Г. Акимовъ вѣрно понялъ психологію дяди Вани и глубоко—прочувствованно, не впадая въ дѣланный методизмъ, изобразилъ душевныя страданія этого человека, ноющаго, хандрящаго отъ неудавшейся, загубленной жизни. Сцена третьяго акта, когда дядя Ваня вбѣгаетъ за профессоромъ съ револьверомъ въ рукахъ была проведена съ потрясающей силой. Слова „что я дѣлаю“ были произнесены г. Акимовымъ такъ, что дрожь пробѣжала по зрительной залѣ. Съ такой же силой и чувствомъ была проведена г. Акимовымъ и заключительная сцена, когда дядя Ваня плачетъ жгучими, тяжелыми слезами. Г-жа Абарова дала правдивый, художественный образъ Елены. Артистка дала понять и почувствовать, какъ несчастна эта интеллигентная женщина, связавшая себя на всю жизнь съ нелюбимымъ человекомъ и старающаяся подавить и заглушить въ себѣ сердечныя влеченія, покоряя ихъ сознанію долга и нравственной порядочности. Невыносимая грусть и тоска Елены, доведшія ее до слезъ и истерики были переданы г-жей Абаровой вѣрными, тонкими штрихами. Глубокое, потрясающее впечатлѣніе произвела г-жа Абарова въ концѣ второго акта, когда Елена садится за роль, начинаетъ играть грустную мелодію, но не выдерживаетъ и тихо, тихо плачетъ.

Чудная роль тоже грустной, страдающей, но покорной судьбѣ Софьи совсѣмъ пропала въ исполненіи г-жи Новиковой Ивановой. Артистка, насколько только возможно, обезцвѣтила роль, не дала никакихъ оттѣнковъ, и не вложила хоть сколько нибудь чувства, даже въ такую драматическую сцену, какъ заключительная сцена послѣдняго акта, когда Софья едва сдерживаетъ себя и дрожащимъ голосомъ старается успокоить плачущаго дядю. Слова „уѣхали“ были произнесены г-жей Новиковой Ивановой такъ, какъ будто Софья была очень довольна отъѣздомъ своего отца.

Г. Струйскій совсѣмъ не понялъ роли док-